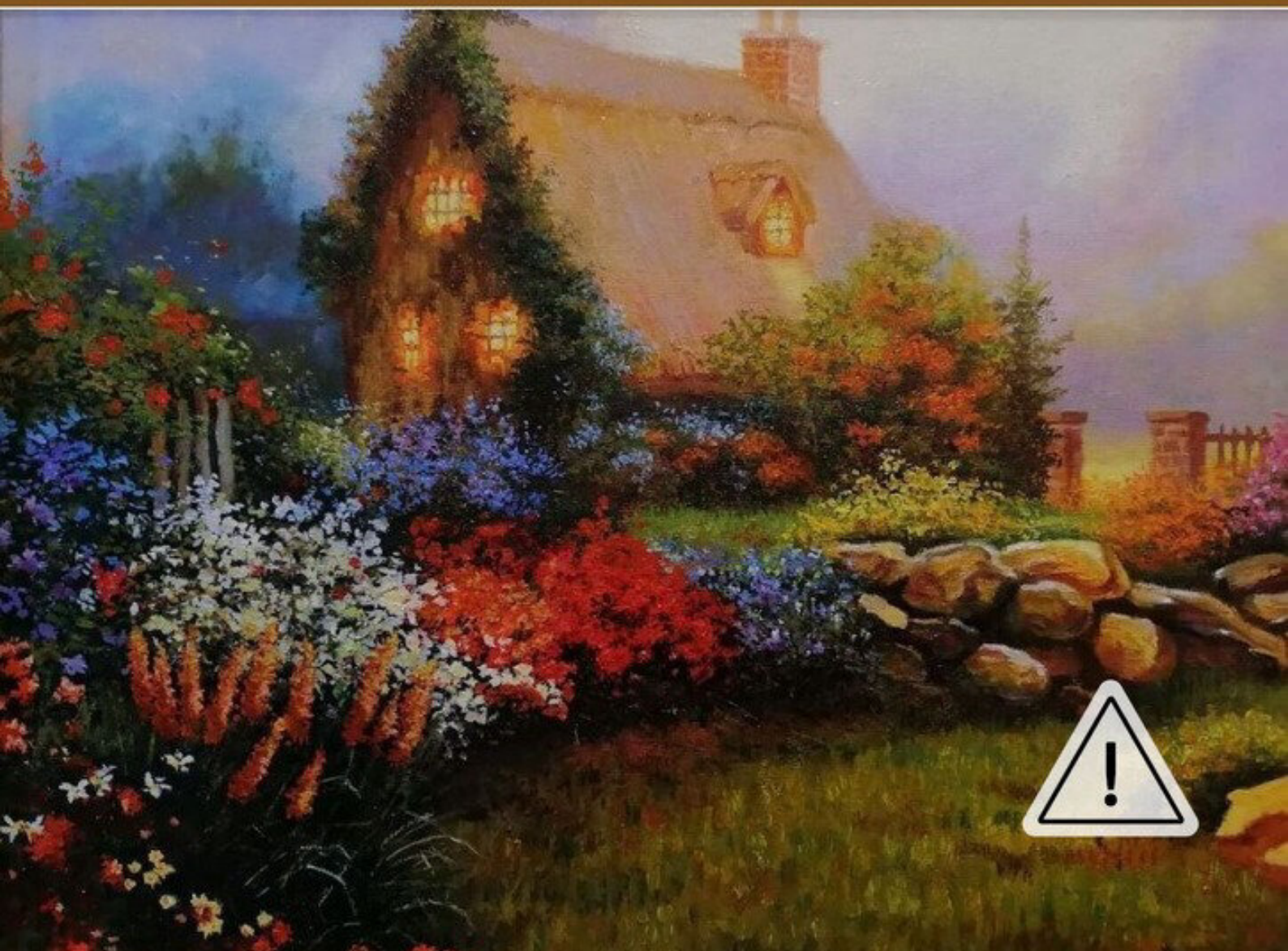

18+

Лариса Карнаш

БУДЕМ ЖИТЬ

РАССКАЗЫ

Лариса Карнаш
Будем жить. Рассказы

«Издательские решения»

Карнаш Л.

Будем жить. Рассказы / Л. Карнаш — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-695722-0

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД
ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ
УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** В
сборник вошли яркие, запоминающиеся своей искренностью и душевностью
рассказы о жизни, человеческих взаимоотношениях, которые уже полюбились
тысячам читателей. В них есть тонкий юмор, трогательная теплота, от которой
наворачиваются слёзы на глазах и правдивость, которая заставляет узнавать
в героях рассказов себя или своих близких. Каждая история — будто бы
короткий доверительный разговор, после которого, на душе остаётся светлое,
согревающее чувство тихой радости...

ISBN 978-5-00-695722-0

© Карнаш Л.

© Издательские решения

Содержание

Дом	6
Утоли моя печали	8
Бессовестные	10
Утешение	14
Не ровня	17
Будем жить...	20
У церкви стояла карета...	22
Братушка	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Будем жить Рассказы

Лариса Карнаш

Иллюстратор Мария Карнаш

© Лариса Карнаш, 2026

© Мария Карнаш, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0069-5722-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дом

Вечереет... Июльский обжигающий зной уступил место долгожданной прохладе. Пожилой мужчина, одетый в выгоревшую футболку и давно не выдавшие стирки штаны, присел отдохнуть в тени старого, огромного дуба, одиноко стоящего около заросшего камышом пруда. Прикрыл глаза...

Откуда ты тут взялся? – как с живым, заговорил он с деревом, – кто тебя посадил? Вон какой вымахал! Помнишь меня?

Дуб в ответ лишь ласково пошевелил листвой.

Мысли старика возвратили его в детство. В те года, когда и дуб этот был зеленее, и пруд, который подпитывался родниками ещё не пересох, и в нём купались дети со всего поселка... А вон там, прямо посреди дороги, стоял забытый со времён войны, ржавый немецкий танк, вросший половиной своего мощного корпуса в русскую землю. Маленький Ванюшка, частенько пробегая мимо в местный магазин, за хлебушком, всегда чувствовал какой-то особенный, необъяснимый трепет и даже страх. Теперь танка нет... В девяностые годы, ушлые дельцы догадались поднять его из земли. Распилили и сдали в металлолом... Теперь здесь аккуратная асфальтированная дорога.

А вот тут, прямо напротив танка, жила одинокая, немощная старушка – баба Оля. Ванюшка всегда останавливался у её калитки и кричал: «Баб Оля, я за хлебом, тебе брать?». Она выходила на крылечко и протягивала мальчишке мелочь: «Возьми, Ванюша, саечку беленького». Теперь здесь пустырь. Даже забора не осталось...

Иван поднялся с земли, пошел дальше по знакомой улице. На перекрёстке зашумел густой листвой старый клён, будто узнал его. Когда-то Ванька, играл здесь с пацанами... Залез на самую макушку, не удержался и полетел вниз. Мужчина потрогал старый шрам... Двинулся дальше... Высокий железный забор. Дом обит сайдингом. Красота... Раньше дом был простой, деревянный, с выкрашенным крылечком и зелёными ставнями на вымытых оконцах... Здесь жила тетя Нина. Муж её пил много. Допился до инсульта. Из ума выжил, а она с дочками за ним ходили потом, нянчились, как с маленьким, пока не помер... Старик вздохнул...

Вниз по проулку стоит современный коттедж с мансардой. Только узенькие проёмы окон говорят о том, что здесь, в глубине, за шикарным фасадом, под новой одежкой скрывается старенький домишко тети Клары... Перед глазами появилось доброе, испещренное морщинами лицо старушки. Мамка, частенько оставляла Ванюшку у неё на догляд. Какая вкусная была малина у бабы Клары... И яблоки... Белый налив... Нет уже той яблоньки... И не вернуть ничего...

На глазах выступили слёзы... Сжалось сердце... Забило чаще... Дальше, за поворотом его родной дом... Подошел ближе. Аж задохнулся от неожиданности... Дома не было... Так хотелось увидеть его... Просто увидеть... Постоять рядом... Вспомнить...

Здесь вовсю шла стройка. По двору сновали рабочие, весело переговариваясь. Подошел поближе... Ничего... Всё снесено. Подошел парень.

– Тебе чего, дед?

– Ничего...

– Плохо? Воды дать? – Не надо... Мой это дом... Понимаешь?

– В смысле твой?

– Родина моя... Родился я здесь... Вырос...

– Ааа... Понятно... А Сергей тебе кто? Сын?

– Нет у меня детей... Никого у меня нет... Я по молодости много глупостей натворил. Да чего там... Дурак был, в общем... Не.. Поначалу то, всё как у людей... Уехал в Москву.

Работал на заводе. Женился. Дочка родилась... Потом мамка померла. В доме, – он махнул головой в сторону стройки, – сеструха жить осталась...

Парень озадаченно смотрел на старика. Неудобно было прерывать его рассказ... А тот продолжал: «А когда Олюшке пять исполнилось, погибли они, жена моя и дочка»...

– А чего случилось то?

– В аварию попали... Из гостей ехали... Я за рулём был... Понимаешь... Я – ни царапины, а они обе...

– Сочувствую, дед...

– Даа... Пить я тогда начал... Крепко... Пил и пил. Квартиру подмахнул ушлым молодцам, по пьянке... Так-то... Вот с тех пор и бомжую... Как-то сплю в ночлежке, и снится мне мамка... Едь, говорит, сына домой. Заждались мы тебя... Долго деньги собирал. Пить бросил... Решил вот на родину вернуться. А тут...

– Так может это родня твоя строится?

– Не знаю...

«Санек, хорош филонить!», – окрикнули Иванова собеседника.

– Ладно, дед, мне работать пора... Ты не уходи. Хозяин скоро приехать должен, узнаешь может чего...

Тот кивнул в ответ.

– Поброжу здесь.

Взгляд старика упал на одинокую грушу, стоящую в глубине двора. Единственное доказательство того, что здесь когда-то был его дом...

Он подошёл к ней. Обнял шершавый ствол так, будто это был кто-то из его прошлого, сестра или мамка, и зарыдал в голос...

Рабочие смотрели на старика, как на сумасшедшего, не понимая. Только Санек тяжело вздохнул.

– Не трогайте его... Пусть...

Иван опустился прямо на землю. Воспоминания нахлынули на него с новой силой. Он прикрыл глаза... Вот мама смеётся и вытирает его чумазое лицо полотенцем... Танюшка кричит, зовёт: «Ванька, айда на пруд, купаться»... Вот он уходит из родного дома навсегда. Мама и сестрёнка провожают его... Мама крестит его, благословляя в путь, а он смеётся и машет им рукой...

Сердце сжалось. Резкая боль пронзила грудь, не давая дышать... Дед крепко зажмурился. Потом всё внезапно прошло. Он открыл глаза. Вокруг все прежнее. На заднем дворе кудахчут куры, в саду на ветках покачиваются спелые, сочные вишни, груша приветливо покачивает листвой, а на крылечке их старого дома стоит мама, улыбается.

– Ванюша! Сынок! Вернулся!

– Вернулся, мамка, вернулся!

– Санёк, чет там твой новый знакомый долго сидит.

Парень подошёл к старику. Тот уже не дышал...

Утоли моя печали

Семилетняя Маруся положила на стул истёртый, доставшийся ей от двоюродного брата, коричневый портфель. Сбросила курточку и крепко прижалась своим тощим тельцем к остывающей печке. Холодно... Дома никого нет. Так тихо, что слышно, как тикают старые часы на выбеленной стене просторного бабушкиного дома, где она теперь живёт. В этом стильном, равнодушном доме...

Она прошла в небольшую спальню. Быстро переоделась в домашнее. Вдруг, взгляд её упал на старинную иконку Пресвятой Богородицы, висевшую в самом углу и украшенную выцветшими бумажными цветами. Девочка залюбовалась немного грустной, прекрасной женщиной, которая держала на руках нежного, пухленького младенца. Её глаза были очень похожи на мамины... Маруся вспомнила их последнее, прощальное свидание в больнице...

Вдруг, неожиданно для самой себя, она бросилась на колени, умоляюще сложила свои ладошки с тоненькими, почти прозрачными пальчиками и заговорила...

– Царица Небесная, обращаюсь к тебе я, Маруся, – она вспомнила, как молилась её покойная бабуля, широко перекрестилась и стукнулась лбом о пол, а потом продолжила, – плохо мне тута... И к мамке охота... Баба Клава говорит, что я большая уже и должна понимать, что мамка не оживёт и теперь она где-то там, на небе...

С тихим скрипом открылась входная дверь и в комнату вошел отец. Он, как обычно, был выпимши. Быстро сбросив кофух и валенки, чуть пошатываясь, прошел в комнату и вдруг замер, услышав, что его маленькая Маруся с кем-то разговаривает. Прислушался...

– А я к маамкее хочууу... Дорогой Боженька, – она воззрилась на Младенца, ты же, говорят всё можешь, ну забери ты меня к ней, а.

Отец попятился и потихоньку уселся на табурет, вытянув шею в сторону спальни. А та, тем временем продолжала: «Знаешь, когда она живая была, она мне и пирожков и блинков испечёт и конфеток купит, а теперь»...

Голос её сначала звучал тихонько, почти шепотом, а потом, уже не замечая ничего вокруг, она стала говорить всё громче и громче, так хотелось быть услышанной...

– Я вчера бабаме говорю, как конфеточку охота съесть, а она рассмеялась только, иди, мол морковку погрызи, она полезней... И вообще, я домой хочу. Там и в мороз тепло было, а здесь холодно. Никому я тут не нужнааа, – она смахнула со щек набегающие слезинки и продолжила тяжело, с подвыванием, – и Ваську, кота моего мне с собою, сюда взять не разрешили. И подружку мою, Леночку, я уже полгода не видала... —девочка тяжело вздохнула и ненадолго замолкла, переводя дух, и продолжила – а баба Клава меня совсем не любит. Знаешь, Боженька, к ней соседка, тётя Поля приходила. Спрашивает: «Как вы тута теперя справляетея, с пополнением таким?». А баб Клава ей: «А ты чё думаешь, привёз вот нахлебницу и корми, стирай за ней... На старости лет покою нету»...

– А я всё слышу... Обидно... И обзывается ещё... И школа мне эта не нравится, – Маруся всхлипнула, – учительница вредная, ругается, что я домашку неправильно делаю, и мне двойки учительница ставиит... А я и не знаю как их делать. А баба Клава, говорит, сама делай, не помогает мне, и говорит ещё, что глупая ты... Я, то есть... А папка меня совсем не замечает... Совсем... Как мамка помёрла, он будто неживой стал. Как вовсе чужой, а не мой папка... Придёт пьяный... Тоже... Ругается только...

Истосковавшаяся по сочувствию и ласке детская душа, переполненная горем, вдруг вся сжалась в комочек, как маленький испуганный котёнок, заныла и вылила наружу горькое озерцо солоноватых на вкус слёз... Девочка зарыдала и почти закричала в голос.

– Никто меня не люююбииит... Царица небесная, – просила она с жалобным привыванием, будто старушка, – прошу тебя, помоги ты мне, а? Сделай так, чтоб папка мой стал как

раньше, добрый. И чтоб не пил... И чтоб меня хоть пожалел что ли... И баба пусть приласкает хоть когда меня... А то Светку и Павлушку тётъ Танину вон как обнимает, как в гости придут, а меняя неет...

А то и раз не нужна я им, забери ты меня к мамке... Не хочу я тут...

Её монолог прервала открывшаяся дверь.

– А на улице выюжить, метётъ. И морозно как... Аж щёки кусаить... Хуух, – сморщенная старушка, укутанная в тёплый пуховый платок с «начёсом» и тёплый тулуп вошла в горницу, неся с собой облако холодного воздуха, в тепле мгновенно превратившегося в пар, – гляди-кось чё делается...

Баба Нюра повернулась к сидящему за столом сыну и осеклась. Сын, как-то не по-мужски скривившись, вытирал мокрое от слёз лицо...

Маруська вскочила с колен, но выходить из комнаты не спешила, села на узкую железную кровать, вытирая ладошками мокрые щёки.

Отец бросился к дочурке, упал на перед ней колени. Глаза их встретились.

– Ты это... Прости меня, доченька. Веду себя, как сволочь последняя, прости. Теперь всё по-другому будет. Вот увидишь! Я тебе слово даю. Ни капли больше не выпью! А на выходные в город съездим, Васька нашего у тётъ Вали заберём и к подружке забежим, поздороваемся. И конфет купим... Обязательно! Веришь?

– Синие, как хмурое осеннее небо глазищи Маруси расширились, просияли, и даже стали немного светлее.

– Верю, папка...

– Ну... Вот...

Баба Клава стояла в проёме, вытирая кончиком белого ситцевого платка слезинки.

– Хух... Чё делается... Ну... И мне тада проститя, если чё не так исделала...

– Ты, мам это... Поласковой что-ли... Плохо ей без мамки...

– А я чё... Ды мне её жальчей усех, сынок...

Когда они вышли, Маруська повернулась к иконке, на которой было написано «Утоли моя печали» и тихо сказала: «Спасибо тебе!»...

С тех пор, в этом доме стало намного теплее, даже в самую холодную стужу...

Бессовестные

Баба Шура поставила колченогий табурет под старую яблоньку, в тенёчек. Присела отдохнуть. Начало мая, а печёт, будто разгар лета. Старушка подняла глаза к небу. Над её головой, покрытой в выцветший ситцевый платок, источая лёгкий приятный аромат, покачиваются под ласковым дуновением весеннего ветерка ветки, щедро обсыпанные белыми, чуть розоватыми цветками. Старушка погладила толстый шершавый ствол дерева. Прикрыла глаза и заговорила вслух: «А помнишь, как Васятка на самую твою макушку забралси, а как слезать и ну давай орать. Выхожу с хаты, а он – маамкяаа, сними меня отседова»... Шура горько усмехнулась...

– Сколькя лет уж прошло... Теперь вот одни мы с тобой век доживаям...

С соседского участка раздались голоса, детский весёлый визг.

– Усё... Проснулись, огольцы...

Через пару минут к заборчику подошла Танюшка.

– Баб Шур, привет!

– Здравствуй, дочка!

– Как здоровьице.

– Ковыряюся потихонечку. Вона, помидорки пару десятков ткнула, огурчики посеяла. Старость не радость... А ноне чуть покопаисси и усё, нету силёнок то... Трава ещё энта прётъ дуром. Глазами ба все исделала, а нагнуся, голова как поведёт и усё, наработалась бабка... Ээхх...

– Я к тебе вечерком Саньку с Серёжкой пришлю, помогут, подёргают травку то. И тебе хороощо и нам польза, кроликам покидают.

– Спасибо, Танюша, пусть приходят...

– Я, баб Шура, чего хотела...

– Че?

– На выходные мальчишкам хотели город показать, на Мамаев курган сводить, погулять там... А то живем, езды всего три часа, а дети ничего не видали... Да и Маринка зовёт давно уж в гости. Не видались с прошлого лета.

– Дык ехайте, конечно, ваше дело молодоя..

– За хозяйством мамка присмотрит. А ты тут поглядывай... Мало ли что...

– Эээх, рази эт хозяйство – десяток курей, да пара кролов.

– Я всё приготовлю, и курям и собаке наварю побольше... Она покормит и огород польёт.

А ты так, просто пригляди, лады?

– Гляну, как не помочь хорошим людя́м...

– Спасибо тебе!

– Ехайтя с Богом!

Она посидела ещё немного, предаваясь воспоминаниям. А потом спохватившись, подскочила и посеменила к погребице. Вскоре на дощатом столе под раскидистой дулей красовались банки с знаменитыми Шуриными соленьями. Потом старушка метнулась к другому соседу, прихватив свой потёртый гаманок.

Постучалась в калитку.

– Толик, Толяя...

– Кто тама?, – навстречу ей вышел крупный мужчина лет шестидесяти, почесывая, как он его сам называл – трудовой мозоль – необъятное своё пузо, – о, здоров, баб Шура.

– Здорова, Толик.

– Чё хотела?

– Ты жа кабанчика надысь резал...

– Ну...

– Тута такая дела... Танюшка-то в город собралися, а я думаю, хош ба моёму Васятке гостиняц передали. Вот и думаю, сальца ба, а? Мож продашь кусочяк...

– Погоди, ща принесу.

Через минуту Толик вынес хороший шмат сала в целлофановом пакете.

– Во, тётъ Шура, возьми.

– Сколькя, сынок?

– Да хорош, тётъ Шур, – ничего... Скажешь от одноклассника гостинчик.

– Хуух, сынок, не удобно как то.

– Тётъ Шур, забудь. Сама то угощаешь нас за деньги чтоль...

– Ну, спаси Господи... Спасибо, Толяня...

Бабка оставила сало там же, на столе и посеменила к Танюшке.

– Таня, дочка, – шумнула она, заглядывая во двор соседки, – иде вы.

– Чего, баб Шур?

– Я вот чего... Вы жа усё одно едетя... Тама от Маришки вашей недалёко мой Вася живётъ. Мож гостинчик передадита хоть. А то яму усё некогда до мене доехать. А по телехвону – усё у нас нормальна, мамка и усё... А ноня звоню, дык и вовсе – девка какай-та гутарить не эта... Не доступнай... Зачем толькя телехвоны енти... Забыли мамку, – она промокнула уголком платка повлажневшыи глаза, – и усё...

– Передадим, конечно, баб Шур. Не расстраивайся, может работы много...

Бабулька посеменила обратно за гостинцами. Глянула на сало. Так захотелось жареных шкварочек, аж слюнки потекли.

– Либо отрезать маленько себе?, – потом мотнула головой, отгоняя навязчивые мысли, – нечего, обойдусь... Пусть внучки побалуется...

А тут и Таня прибежала.

– Давай, баб Шур, чего передавать?

– Во. Чичас у сумку складу и усё...

– Ох и наложила. Балуешь ты их...

Привыкла я так... Лучший кусочек – Васятке. Всегда так было. В войну то сама дитём горюшка хлебнула и что такое голод и холод, знаю не понаслышке. Немец то как пришел, из хаты нас с мамкой выгнали. Страху натерпелися... У погребнице, у самую стужу пряталися... Так тама видать застудилася я, что ли... Деток то своих Бог не дал. А уж как подросла, замуж за Петра вышла. Сам он бывший фронтовик, на двадцать годочков меня старше, царствия ему Небесное, хороший человек был. Сам то израненнай весь. А жена его первая от болезни померла... Недолго мы с им прожили. А Васятка то его сынок, не мой. Ну уж стал мене лучшей рѣдного. Ему тогда, как сошлися мы, усего то четыре годика то и было... Рѣстила я его, как своёго, усё ему. Малой то бывалыча, хулюганить, батькя заругаить, а он к мене, зашшати мамкя... Даааа... А мой то помяр как, одни с им осталися. Выучилси на анжанера, работать у городе стал. Жаниться надумал, я корову продала. Справили усё, честь по чести. Потом квартиру ему от завода дали. Мебелю надо справить. Я – кабанчика... А ноне – старая я стала. Животину свела. Он, – она мотнула головой на заваливающийся катух, – толькя десяток курей и оставила... Нету силушки то... Теперя чем помочь... Сковырнуса не сѣдня – завтра...

– Теперя его очередь тебе бы помогать, бабань, а?

– Ды как помочь то... Он – тама, а я – тута, небо копчу...

– А к себе не звали, баб Шур?

– Неее, – она тяжело вздохнула, – тама усё сноха заправляить. Иной раз приеду, чую, у тягость я им... Я капы-капы, ды и до дому...

Татьяна с жалостью посмотрела на старушку.

– Ладно... Давай свои гостинцы, поедем мы... А то может с нами, баб Шур? Побудешь там, повидаешься.

– Не, Таня, не осилю я дороги ноне. То башка шумить, то тошнота подкатить. Я и по молодости то не больно хороший ездок была. Укачиваить у дороге... Ты ему скажи, Васятке то, чтоба наведаль мне, уж больно соскучилася я. Чую – недолго мне уж остальбся... Ну, с Богом, дочка...

К обеду Татьяна с мужем и детьми были уже у сестры. Радости, гомона было хоть отбавляй...

А вечером решили дойти к Василию, благо жил он с семьёй совсем недалеко.

Дверь открыла заспанная хозяйка.

– Вам кого?

– Здравствуйте. Меня Татьяна зовут. Я вашей свекрови соседка, не помните меня?

– И чего?, – равнодушно проговорила тётка, – чего надо то?

– Так вот, – она поставила перед собой тяжелую сумку, – она гостинцы передала вам.

– Ааа. Ну, спасибо.

Она подвинула сумку к себе и захлопнула дверь.

Таня постояла, немного растерявшись. Потом снова позвонила в дверь.

Дверь открылась не сразу.

– Чего ещё?

– Так баба Шура просила кое-что Василию передать.

– Вась, – крикнула женщина, – иди, это к тебе!

Перед молодой женщиной предстал седовласый, представительный мужчина.

– Ну?

– Здрасти...

– И тебе не хворать. Чего тебе?

– Мать твоя просила сказать, чтоб приехал ты, скучает она.

– Я вообще то работаю, мне скучать некогда...

– Состарилась мамка то твоя, дядь Вася, еле ходит уже. А тебе позвонить, лишний раз, тяжело, да?! – сорвалась на крик Танюшка, – кинул бабуку вовсе одну! Не стыдно? Она тебе всё, что могла... А ты! Наел ряху! Старушка себе отказывает во всем... Васятке... Гостинцы... Не стыдно вам?!

Из комнаты выглянул Шурин великовозрастный внучок, Виталька, который как раз заехал на часок к родителям, со своими детьми, Пашкой и Дашкой. У двери собралась толпа бабы Шуриных родственников.

– Чего вы тут орёте?

– Вот! Ещё один... Забыл, как до самой школы у бабани жил. Как же, папка с мамкой учатся, потом работают, некогда им с собственными детьми возиться... А теперь – какая от бабки польза! Зачем она нужна, да?! Бессовестные!

Она резко развернулась и почти бегом спустилась по лестнице вниз, оставив опешившее семейство наедине со своей совестью.

Все молчали.

– А ведь я номер сменил, – нарушил тишину Василий, – а мамке не сказал. Ээхх, – он махнул рукой, опустив голову. Вспомнил их последнюю встречу, в прошлом году, её глаза... Вспомнились детские годы, юность... Он вышел на балкон, закурил, быстро вытерев глаза, чтобы никто не увидел. Подошел сын.

– А ведь права она... Бессовестные мы...

– Собирайся, батя...

– Куда?

– Поедем за бабой.

«Мне она тут не нужна!», – зло сощурившись, подала голос мать.

– Мне нужна. Я возьму, если надо будет, – Виталька заглянул в глаза жене Марусе, желая удостовериться, поддержит ли она его, – она меня ведь и правда вынянчила...

Та кивнула в ответ.

– Правильно. Наша очередь отдавать долги... Что она, безродная, что ли?!

На улице уже всюю стрекотали сверчки. А бескрайнее небо над селом покрыл темный, отдающий синевой шатер с ярко поблёскивающими на нём звёздами. Баба Шура сидела на крыльце, прислонившись к дощатой стенке своего старенького, обложенного ставшим сероватым от времени кирпичом домика с голубыми, резными ставенками. Она тревожно вглядывалась в эту глубокую бездну и тихонько молилась...

– Господи... Забери меня сейчас... Кому мы нужны, старики... Одинокая я, не нужная, никому... А то ишшо буду валяться... Лучше уж сразу... Прости мне, если чё не так, а? Охота увидеть маму, папку и Петю... А ишшо не гневайси на их, не со зла они... Даааа. Работают. Жизнь ноне тяжелья... Такая... Вот ба напослед толька, усё жа, увидеть их, Васю и унучека... И тады можно...

Вдруг темную улицу осветил свет фар. Подъехала машина. И из неё вывалились её роденькие... Первым подбежал Виталька, обнял её за худенькие, высохшие плечи.

– Бабаня...

Старушка утёрла слёзы.

– Ох, чё эт я... Идита у хату, мои хорошия!

Вдоволь наговорившись, Василий, опустил глаза и тихо произнёс: «Постарела ты, мама. Может к нам поедем, а?»

– Ох, сына, не хбчу я на чужбине помирать. Охота у своём дому век дожить...

– И не надо никуда тебе, ба, ехать. Мы с Маруськой давно хотели... В общем...

– Мы решили в село перебраться, – продолжила за Виталика его жена, – вот... Если примешь нас, будем тут жить. Квартиру сдавать пока будем, а там посмотрим... Построимся потихоньку. И ты с нами...

Старушка, не сдержавшись, снова заплакала.

– Спасибо, Господи, как жа хорошо! Живитя, мои детоньки! И я с вами ишшо потелипаюся... А как жа... Унучков то хто нянчать будить!...

Утешение

После нескольких недель невыносимой жары вдруг, ни с того, ни с сего подул сильный, горячий ветер, вдалеке сверкнула молния, грянули тяжёлые раскаты грома. На небо напоздали тёмные, переполненные влагой тучи. Стало темно, душно и вскоре на измученную землю хлынул проливной летний дождь. К обеду, умытая земля благодарно вздохнула, а с нею и уставшие от жары жители небольшого поселка.

Катерина с удовлетворением оглядела свой небольшой, ухоженный участок. Вымыла руки под краном и вышла на улицу. Села на старенькую лавочку. Из нарядного палисадника повеяло приятным запахом мокрой земли, смешавшимся воедино с ароматами от цветущих роз, пышных флоксов, солнечных золотистых шапок рудбекии и ещё каких-то трав. Катя вдохнула полной грудью свежий воздух и прикрыла глаза.

Вот так же сидела она пару месяцев назад. На этой же скамейке. Только не одна... Не одна... Она вытерла наполнившиеся солёной влагой глаза, с нежностью погладила пустующее место и прошептала вслух: «Эх... Коля, Коля... Как же вы меня совсем одну то оставили»... Потом взглянула на дорогу. К ней приближалась соседка. Молодая, полная сил женщина, Маришка.

– Тётъ Катя, привет, – Марина с сочувствием взглянула на пожилую соседку, – как ты?

– Здравствуй, моя хорошая. Нормально. Копошусь потихоньку. Травку вот сёдня маленько подёргала.

– У тебя, тётъ Катя, образцово-показательный огород, – затараторила соседка, – не то что у нас. С этой работой, ничего не успеваю, заросло всё... Помидор из-за травы не видать... Тоже, по холодку всей семьёй на борьбу с сорняками выходили. Устала прям, а тут кинулась, хлеба нет. Вот и бегала в магазин, – она показала на пакет с покупками, – за хлебушком.

– А Сашку чё же не послала?

– Куда там. Увееялся гулять. На велик прыгнул, только его и видели... А Лёшка давай ныть: «Я тоже велик хочу». А где тут денег то напасть на всех... По очереди, говорю, катайтесь...

– Пускай гуляет... Мой то, Митька тоже по детству не слезал с велика, – глаза её снова заблестели, – а теперь вот... Знаешь чё, а ведь в гараже велик-то его стоит, целый вроде должен быть. Ты, Маришка, пришли Лёшку то, я ему отдам его. Пусть дитё катается, Митю моего поминает... Возьмёте?

– Конечно возьмём, тётъ Катя, спасибо тебе.

– А знаешь, дочка... Приснился сёдня мне Митенька мой. Весёлый такой... Смеётся... Говорит, мы с папкой в хорошем месте теперь, только ты не плачь, мам. Будет тебе утешение скоро. А как тут не плакать... Какое утешение то? Сердце щемит и щемит... Совсем одна осталась... Вот, спасибо вы ещё меня не бросаете, а так бы...

Маришка сочувственно вздохнула, погладила руку в один миг осиротевшей женщины.

– Теть Катя, знаешь, а мне мой Пашка чего рассказал... Говорит, вроде бы он, Димка, перед тем как ехать с дядь Колей в тот день, когда авария эта, проклятая, случилась, к моему заходил. Говорил, девушку хорошую встретил. Сиял прям весь. Хотел с тобой познакомиться. Лена её, вроде бы, зовут...

– А на похоронах она была? Я то не помню ничего... Будто в тумане всё...

– Не знаю, тётъ Катя, может и была...

– Ох... Сынок, сынок... Мне без них с Колей и жить то неохота, дочка... Прям иной раз такая тоска берёт... Хоть руки на себя накладывай...

– Держись теть Катя, и мысли дурные выбрось из головы то... Время лечит.

– Тяжко, Марина, одной то... Знаешь, меня девчата мои, с работы, назад зовут, место у них там освободилось.

– Вот и иди. Всё же, среди людей может полегче будет...

– Пойду... Жить то теперь как... Пенсия десять тысяч... Придётся...

– Ну, побегу я, пока тетя Катечка...

– С Богом, моя хорошая, пока...

Утром Катерина решилась. Взяла документы и вышла пораньше к автобусу. Поговорила с начальством, с коллегами. Договорились, что выйдет на работу со следующей недели. Она вышла из здания, и двинулась к остановке. Путь её лежал через небольшой парк. Погода стояла чудная. Лёгкий ветерок тихонько играл выбившейся из пучка волнистой прядью волос на её поседевшей от горя голове... Спешить было некуда. Она села на изящную кованую скамейку, уютно спрятавшуюся от людских глаз под сенью большой, раскидистой ивы.

Вдруг, неожиданно к её ногам прилетел яркий красный мячик. А вслед за ним подбежала и его хозяйка – красивая, одетая в нарядное платьице девочка лет трёх.

– Здрласти...

– Привет...

– Машенька, иди сюда, – её окрикнула грузная пожилая женщина в смешной панаме и длинном ситцевом платье, – не мешай тётке.

– Да она не мешает, что вы...

Женщина подошла поближе.

– Ничего, если я присяду?

– Конечно, садитесь.

Вдруг, у женщины в сумочке заиграла весёлая мелодия.

– Алло? Доченька, ну? Что сказали? Господи... Ну надо же... Милая моя... Значит будем рожать, что же ещё! Вытянем... Ничего, моя хорошая!

Она положила трубку. Пальцы её немного подрагивали. Она достала из сумки салфетку. Промокнула повлажневшие глаза, повернула голову к соседке по лавке и, чувствуя непреодолимое желание с кем то поделиться своей новостью тихонько заговорила...

– Дочка, представляете, из женской консультации звонила... Беременность... Три месяца уже...

– Так это же хорошо... Радость... Будет у Вас внучок или внученька...

– Радость. Конечно... Только мужа то у неё нет.

– Сбежал?

– Если бы... Погиб трагически. Авария... Знаете, такой парень был замечательный. Пожениться хотели. Он её собирался с родителями познакомить. А тут... Такое горе...

– Бедная девочка. А я вот тоже... Сына потеряла и мужа. На машине разбились недавно. Вот. Одна осталась... Она вытерла мигом наполнившиеся слезами глаза.

– Сочувствую Вам.

Катя тяжело вздохнула.

– А это, – она указала на маленькую Марусю, – внучка Ваша?

– Да. Это внученька от старшей дочки. А Леночка не была замужем. Переживает очень. Плачет. Любила она Митьку своего, очень... А теперь вот это... Ну... Ничего. Справимся с Божьей помощью. А хотите я вам их фотку покажу. Она протянула новой знакомой смартфон с фотографией очень красивой смеющейся девушки и с любовью смотрящего на неё парня. Парень – одно лицо с её Митькой. Её будто ударили обухом по голове.

– Как же похож, Господи... Да это же мой сын, – вскрикнула Катерина, – неужели?! Неужели мой Митенька... Боже мой! А погиб он когда говорите?

– Два месяца назад. Пятнадцатого мая. С отцом вместе разбились на машине они.

Сердце Катерины забилося, готовое выскочить из груди.

– Покажите... Есть у Вас ещё фотографии?

– У меня нет. А у Лены есть, да... Неужели ваш?

– Боже мой... А мне ведь соседка моя, Маришка, только вчера сказала, что у него девочка появилась... Лена... Можно мне с ней познакомиться? Прошу Вас!

– Конечно. Мы тут неподалёку живём. Пойдёмте к нам. И Лена сейчас прийти должна. Идёмте.

Растерянная Лена, после того, как их познакомила мать, обняла несостоявшуюся свекровь и обе они горько заплакали.

– А я к Вам на похоронах постеснялась подойти...

– Как же хорошо, что мы встретились, девочка моя...

Так у Кати появилась новая семья, которая стала для женщины и опорой и утешением... А девочка, родившаяся в положенный срок, с такими же синими, как у Митьки глазами и яркими рыжими кудряшками, как у бабушки Кати, вернула той смысл жизни и принесла своей любимой бабуле немало радостных минут... Да... И так бывает...

Не ровня

– Мам, представляешь, сегодня в маршрутке Женьку встретила. Возмужал так, вырос...

– Это какого Женьку то?

– Ну, одноклассника, Петрова.

– Аааа, этого, – Анна Петровна скривила губы, – ну, где он учится? Или как папаша его, скололся уже?

– Да с чего ты взяла, – она улыбнулась своим мыслям, – нормальный парень! В кино зовёт...

– Ну, не знаю... Яблочко от яблоньки, знаешь...

– Да ладно тебе. В МЧС будет работать, как закончит учебу. И сейчас подрабатывает где-то...

– С трудом верится, – мать с подозрением взглянула в синие, окаймлённые длинными густыми ресницами глаза дочери, и заподозрив неладное продолжила, – смотри там у меня, не дури! Кино... Не смей связываться с этой голью перекатной, поняла? Он нам не ровня!

– Да хватит тебе...

Девушка развернулась и расстроенная вышла из комнаты...

Женька ей нравился. Он был весёлым разгильдяем в школе. Улыбка не сходила с лица парня, несмотря на то, что в детстве ему пришлось пережить немало горюшка. Семья у него и правда была неблагополучной. Сначала от передозировки погиб его нерадивый папаша, потом в аварию попала мама. Он остался на попечении бабушки и дедушки... Учился, правда, неважно. Зато он был честным и добрым. В детстве они таскали еду щенятам, поселившимся неподалёку от школы. После девятого класса их пути разошлись. Маруся пошла в десятый, потом поступила в институт. А Женька – в какой-то колледж. Она помнила его мелким, субтильным мальчишкой... А тут... Она очень удивилась, когда увидела перед собой высокого, широкоплечего мужчину. Только глаза остались те же, добрые, с весёлыми искорками... В тот вечер она долго не могла заснуть...

Вскоре Женя позвонил. Маруся ответила. Сходили в кино. Потом – в театр. А потом, тайком от матери, молодые люди стали встречаться...

В тот день Анна Петровна ушла с работы пораньше. Очень болела голова. Она спешно шагала по мокрой улице, зябко ёжась от холодного, пронизывающего ветра. Вдруг, остановилась, как вкопанная. На остановке стояла её дочь... Рядом с ней – Женька. Они весело болтали о чём-то. А потом он с нежностью приобнял её, поцеловав в щёку и прыгнул в подъехавший троллейбус, махнув на прощание рукой.

Маруся повернула голову и увидела мать.

Анна Петровна, хмурая, как нависшая чёрная туча, застывшая над её головой, приблизилась к дочери.

– Так... Это что ещё такое? Я не поняла, – разъярённо прошипела она, – вы что, встречаетесь?

– Ма... Ну, – девушка опустила глаза, тяжело вздохнула и выпалила, – да...

– Ну спасибо, доченька. Хорошего зятка нашла, нечего сказать! Ты вообще головой думаешь! У него отец наркоманом был, да и мамаша та ещё... Ты вообще понимаешь, какая у него наследственность?! Мне внуки дебилы не нужны!

После того случая Анна Петровна потеряла покой. Она следила за Машей, изо дня в день читала нотации, не забывая жаловаться на больное сердце. Маша плакала по ночам, не зная, что делать. В конце концов, Анна Петровна заявила, что выгонит дочь из дома, и не будет платить за её учёбу, если она продолжит встречи с «этим дегенератом»... Девушка сдалась. И любовь, не успевшая ещё зародиться, будто крошечная пичужка, пролетела мимо, упорхнув далеко,

в небеса так и осталась несбывшейся мечтой... Женька ещё пытался звонить, писать, искал встречи, по вечерам, будто бы случайно, прогуливался под окнами Марусиной пятиэтажки. А потом, понял, что пришелся не ко двору, отступил...

Вскоре, любящая мамаша решила сосватать Машу за сына своей начальницы. В один из вечеров, она вкрадчивым голосом начала уговоры.

– К нашей Татьяне Алексеевне такой сын приехал, Вадим.

– Супер...

– Умница, в Москве учился. Отец его в администрацию устроил работать. Большое будущее у мальчишки. И семья у них такая хорошая, обеспеченная.

– И зачем ты мне это всё рассказываешь?

– Да я вот тут... Татьяна Алексеевна про тебя спрашивала. Говорит, может познакомиться вас...

– Хватит, мам...

– Ты подумай, дочь. Люди то какие...

– Я пойду, в магазин схожу, – дочь мягко ушла от разговора, – мороженого захотелось.

Мать же на этом не остановилась. Приближался её юбилей. Заказали ресторан. Позвали «нужных» гостей, среди которых нечаянно оказалось и семейство начальницы Анны Петровны.

Вадик, конечно же начал увиваться около Маруси. Пригласил на танец. Много и как-то не к месту хихикал, а потом и вовсе пригласил поехать к нему. Маруся, естественно, отказалась. После праздника взволнованная мамаша начала расспросы.

– Ну, что дочь? Как он тебе?

– Да придурок какой-то. Ведёт себя странно. И вообще... Голова большая, плечики, как у ребёнка, нос картошкой, глазки – щёлочки... Просто не влюбиться невозможно, – с сарказмом ответила Маша, – ты такого зятя хочешь?

– Это он от стеснительности. Зато зарабатывает уже, больше, чем нам мечтать приходится. И квартира есть, и машина. Подумай, Маша.

Вадику же, Маша понравилась очень. В его затуманенном мозгу возникла мысль, что девушка должна быть только его, и точка. Начались настойчивые ухаживания, звонки. И вскоре, не без участия родителей, девушка уступила и свадьба состоялась.

Поначалу все было хорошо. Молодая семья казалась со стороны даже счастливой. Но это было не так. Через год Вадик, периодически подсел на запрещенные средства и в семье начался настоящий ад. Маруся, к тому времени уже носила под сердцем ребёнка, когда стала замечать «странности» мужа. Родители его пытались лечить, да всё без толку. А тот, уже не скрывал свой порок. Однажды, в пьяном угаре, он поднял руку на Марусю. Женщина собрала вещи и вернулась в родительский дом.

Мать виновато прятала глаза, тяжело вздыхала, глядя на синяк под глазом дочери.

– Мам...

– Что?

– У меня ребёнок будет.

– Ох, – мать схватилась за сердце, – ещё этого не хватало. Какой срок?

– Двенадцать недель.

– Ну ты чем думала?! Надо было на аборт бежать сразу. Вздумала от наркомана рожать что ли?

– Я недавно сама только узнала...

– И что теперь? Давай решать вопрос. У меня есть врач знакомый. Можно всё сделать по тихому.

– Мам, ты чего?! Это же твой внук или внучка!

– С ума сошла!

– Ага, сошла, когда тебя послушала, – с гневом и болью выкрикнула Маша, – у Вадика же будущее! И семья у них такая хорошая, да, мама?!

Мать опустила голову и зарыдала.

Маша обняла её за плечи.

– Мам, прости. Я понимаю, что ты хотела как лучше... Но аборт я делать не буду.

– А если...

– Всё хорошо будет.

Дни шли. Животик подрастал и округлялся, как вдруг случилось непоправимое. Марусе стало плохо. Её тошнило, кружилась голова. Женщина почувствовала боль в животе и начала терять сознание. Вызвали скорую помощь. Оказалось, что у неё замершая беременность. Девочка умерла в утробе матери...

Прошло несколько месяцев. Исхудавшая, вымотанная морально и физически женщина понуро брела на работу, не обращая внимания ни на залитую солнечным светом улицу, ни на весёлое щебетанье птиц и нежные весенние ароматы цветущих вокруг деревьев, как вдруг, её окрикнули.

– Маш... Маруся!

Она остановилась. Обернулась. Сердце её забило часто-часто. Это был он, Женька... Он с нежностью смотрел на неё своими бездонными, лучистыми глазами.

– Женёк... Привет.

Он подошел ближе.

– Привет. Как ты? Слышал ты домой вернулась...

Маша кивнула, отведя глаза.

– А ты чего тут?

– А я тут... Иду... Смотрю ты...

Ходил Женька на работу и с работы давно уже делая большой круг. Он искал встречи, не решаясь позвонить...

– Жень... Прости меня...

– Да ты чего... Прорвёмся. Может сходим куда-нибудь?

– Давай, – она радостно кивнула, – сходим...

Теперь у них начиналась другая жизнь... Счастливая...

Будем жить...

Ранней весной погода меняется на глазах. Выйдешь утром на воздух, и вроде бы всё так же как и в стылом, промозглом феврале – задубевшая земля, прикрытая слежавшимся снегом, морозец румянит щёки. А всё же, воздух не тот. Весной пахнет. А к обеду – и вовсе... Солнце выглянет из-за тяжелых туч, блеснёт в небольшую прореху меж ними, растопит лёд, который быстро превратится в грязные лужицы, чавкающие под сапогами, а на душе всё равно, радостно. Будто земля, уставшая от долгого холода просыпается в предчувствии чего-то хорошего... И птицы всё громче и настырней кличут не спешащую вступить в свои права весну...

– Чуете, шельмы, – поднял голову вверх дед Иван, обращаясь к стайке воробьёв и синичек, прилетевших поживиться у кормушки в его подворье, – скоро, скоро солнышко припечёт, травочка повылазит, будет вам чем поживиться.

Птицы отлетели на соседнюю дулину и примолкли в ожидании.

Дед достал из широкого кармана горсть семечек. Подсыпал в птичью столовую. И довольно крякнув свое привычное, – хээйххх, – двинулся вглубь двора, к сараям. Из-под сугроба вдоль всего двора торчат серые штакетины забора. А за ним Васькина усадьба – осиротелый домишко с черными проёмами окон, пара как-то в одночасье покосившихся сараюшек, да недостроенная банька с непокрытой крышей, засыпанная наполовину снегом... Нынче то, весна скоро... А Васи нет. Помер Васька прошлым летом. Совсем опустел его двор... Вспомнилось Ивану лето. И сосед... Глаза у него были добрые. И человек он был хороший...

– Эй, хозяйева, – отвлек от грустных мыслей громкий бас, доносящийся с улицы, от калитки, – есть кто дома?

Старик поспешил к воротам.

– Тута я, тута...

Дед Иван открыл калитку, за которой его дожидался высокий, крепкий парень лет тридцати.

– Здрасти.

– И тебе не хворать, – прищурился дедок, – чего тебе?

– Да вот, я по объявлению. Приезжал дом поглядеть, соседей ваших. Под дачку хочу.

– Эт которых?

– Да вон, – тот махнул рукой в сторону Васькиного двора, – того.

– Продают, значит...

– Да. Не подскажите, кто там жил то... У хозяина спросил, а он толком не сказал ничего.

– Кто жил... Люди... Хорошие люди... Семья тут жила. Былинкиных... Дети у них помёрли. Потом мать... Не выдержало сердечко такого горя... А вон, у том годе и Василий сам приставился... А энтот... Наследничек... Племяш ихний... А Васька то, хороший был мужик. Ещё по детству, ребятишками, наткнулися на неразорвавшуюся мину. Всем – ничё, а Ваську пальцы на руке поотсекало. Так с культёй и управлялся, получше здоровых. Поначалу трактористом в совхозе работал. А как совхоз развалился, так устроился к местному фермеру, бывшему директору совхоза – пастухом. Отгонит скотину к займищу, те пасутся, а он косит. Как уж приноравливался – Один Бог знает... Но косил...

Встретишь его... Всегда поздоровкается: «Как дела, Иван»...

Уважительный был человек... Будем жить, говорит, присказка у него была такая...

Парень закатил глаза от нетерпения, но промолчал. А тот продолжал.

– Вот и отжился... А к старости, всё жалился. Уставать стал. Мечтал всё... На пенсию, говорит, выйду, новую баньку, выстрою, заместо старой развалюхи... Мечта у него такая была... Сложу руки сидеть не хотел. Кроликов собирался развести, на продажу. Курочек подкупить. А тут хоп... И всё...

Нашли на поляночке. Застыл уже... Так то... Жизнь наша... Так то...
– Ясно... Будем жить, дед. – Будем...

У церкви стояла карета...

У побеленного известью домика с небольшими оконцами, украшенными резными, выкрашенными нежно-голубой краской ставенками, стояли двое. Очень красивая, статная, женщина и юная, очень похожая на свою собеседницу девушка. Огромные глаза, такого же цвета, как хмурые небеса над их головами, смотрели с мольбой и отчаянием на мать.

– Мамонька, ну можно мне остаться здесь, с тобой? Не хочу я туда! И замуж за этого старика не хочу!

– Верушка, доченька, нельзя тебе здесь... Думаешь мне тебя не жалко. Всё понимаю, рано тебе замуж то, милая ты моя...

Они обнялись... Девушка заплакала...

– А ты, милая, крепись. Господь всё управит... Жених-то твой и вправду, не гляди, что богатый, плохой человек. Очень плохой...

– Так скажи тятя, – она судорожно вздохнула, – что же мне...

– Я, доченька молиться буду за тебя... И ты молись... И не соглашайся, слышишь! А этот... Папаша твой... Своё получит... Не понимает, глупый, что творит...

Мать, со слезами на глазах, перекрестила своё дитя. В это самое мгновение Верочка проснулась. Перед глазами всё ещё стояли заплаканные глаза давно умершей матери. Рядом с кроватью, на стуле лежит красивое белое платье и фата, заблаговременно купленная женихом... Вытерев залитое слезами лицо, она подошла к божнице с иконами, упала на колени: «Господи, помоги мне! Пресвятая Дева Мария, спаси меня!»...

Из горницы раздался визгливый голос мачехи.

– Верка, просыпайся, – и уже обращаясь к отцу, продолжила, – уже собираться пора, а она всё спала бы, кобыла этакая, наконец-то сбыхали, хоть эту кормить не надо...

– Даа, повезло нам, Павел Петрович, нечего греха таить, щедрый человек...

– Не то слово! Заживём таперича, как люди! Мачеха мечтательно прикрыла глаза. Платью себе пошью, как у барыни... На фатеру новую может съедем...

– Ты это... Молодая Верка совсем... Четырнадцать годков... Объясни ей что да как... А то взбрыкнёт... Павел Петрович сердиться будет, поняла?

Та закивала головой.

– Ага, поняла...

Верочка выбежала из своей светелки, бросилась перед отцом на колени.

– Тятя, миленький... Я всё, что хочешь... Я... Прошу тебя, тятя, не отдавай меня за него... Тятя, миленький, прошу...

Девушка захлебнулась в рыданиях. Отец насупившись отступил назад и закричал на дочь в слепой злобе: «Ты что, дура, удумала? Позорить отца удумала?!»...

– Тятя, я... Я руки на себя наложу... Не хочуууу...

Мужчина злобно сверкнул глазами: «Ишь, наложит она, я уже деньги взял, дурища какая!»...

– Тятя...

Отец замахнулся на дочь. Младшая сестрёнка, десятилетняя Полюшка, бросилась к сестре: «Тятя, прошу, не надо!». Подбежала мачеха.

– Не надо, Коля, не надо... Синяки будут! Павлу Петровичу не понравится!

Отец отступил... Вера бессильно опустила на пол...

К обедне уже подъехала присланная барином карета... В неё села подавленная, бледная, несчастная девушка, отданная на заклятие порочному старику...

У храма собралось почти всё светское общество городка. Нарядные, напомаженные дамы тихонько перешептывались. Крупная, дородная старуха, в туго затянутом корсетом кружевном

платье тихонько прошептала своей соседке: «Это ж, какая жена то по счёту у Павла Петровича будет-с? А ведь он, поди, мой ровесник». Её собеседница, ехидно прищутив глаза, ответила: «Четвёртая будет. Все на том свете... И что он с ними делает только, чёрт старый»...

– Даа... Жаль девицу... Красавица то какая. Кому молодость отдаёт... Еле ходит, а туда же! Жених!!! Она сокрушенно покачала головой...

Вокруг собиралась разномастная толпа. Люди спешили поглазеть на новую жертву. Ведь давненько уже по волости ходили слухи о садистских наклонностях старого барина... Невесту все жалели. Да что тут поделывать... Судьба такая... Наконец, карета с юной невестой подъехала. Толпа напряженно всматривалась в лицо Верочки...

– Как она??

– Красавица... Бледная какая...

– Бедняжка...

– Чего это бедняжка? Княгиней будет...

– Из грязи в князи...

– Зато как сыр в масле кататься будет.

– Муженёк то, не сёдня – завтра и помрёт... Вот и порадуетесь еще глядишь...

– Дааа...

Верочка мужественно прошла сквозь толпу зевак. В храме стоял запах ладана и горящих свечей. У девушки закружилась голова. Она покачнулась. Кто-то подхватил её под руки... Гости стояли с натянутыми улыбками, понимая всю трагичность ситуации, хотя, по большому счёту, всем им было абсолютно безразлична судьба этой девочки, по сути – ребёнка... Неподдалёку, в сторонке стояли и её «продавцы», отец с мачехой... А у алтаря ждал будущий супруг. Старческое, изъеденное морщинами лицо со следами прошедшей разгульной жизни смотрело на юную невесту алчными глазами. Павел Петрович в предвкушении даже нетерпеливо облизал красные, сморщенные губы...

Когда священник громко начал читать молитвы, Верочка, до этого совсем не поднимавшая глаз на окружающий её народ, вдруг, неожиданно для себя обратила свой взор на алтарь. Прямо у Царских врат стояла необыкновенной красоты женщина, в старинном одеянии. Она ласково смотрела на девочку. Потом кивнула ей и исчезла. По храму разнёсся необыкновенный, неземной запах цветов и чистоты... Вере вдруг послышались последние мамины слова из её сна: «Не соглашайся!». Слова звучали будто бы наяву, будто рядом с ней стояла мама... Однако, кроме девочки, конечно никто ничего не заметил...

Когда батюшка спросил её согласия, она, собравшись с духом, громко, на весь храм крикнула: «Нет! Не согласна! Не пойду за него!» Старик, не ожидая такого поворота охнул и покачнулся... Лицо его сделалось багровым. Он повернулся, ища глазами родителей Веры.

– Это что?! Позорить меня вздумала, дрянь такая!

Жадная до сенсаций публика удивлённо зашептала. Все с интересом ожидали развязки этой грустной истории... Воспользовавшись тем, что все замешкались, Вера развернулась к выходу и побежала. Она бежала вперёд, не оборачиваясь. Массивная фата зацепилась за дверную ручку. Девушка сбросила её и двинулась дальше...

Люди, стоявшие на улице расступились перед ней, пропуская.

– Губит себя девка!

– Правильно делает! На кой ей энтот дед!

Вслед за ней первыми выбежали родители. Беспомощно озираясь, пытались высмотреть, куда она побежала. Пьяненький мужичок, одетый не по сезону в зипун, щедро расшитый заплатками, зло глядя на них, выкрикнул: «Туды, туды бяжитя. Туды побёгла». Он указал совсем в другую сторону. А Вера, уже завернула за угол храма и неслась со всех ног. Вдруг, перед ней оказалась красивая, позолочённая карета. Девушка незаметно юркнула в неё в надежде переждать и укрыться от погони.

Когда всё стихло и последние приглашенные на венчание гости стали разъезжаться, дверца кареты открылась и перед Верой предстала старушка в голубом платье. Та невольно схватилась за сердце...

– Милостивая госпожа, прошу Вас, не выдавайте меня.

Покачав головой, дама пристально посмотрела на заплаканную девушку, помолчала. Потом тихо произнесла: «Ну что же, дитя... Натворила ты дел, конечно... Сиди уж теперь».

– Благодарю Вас..

Женщина забралась в карету и громко крикнула кучеру: «Петя, трогай»...

– Как величать-то тебя?

– Верой.

– А меня зови Екатерина Васильевна...

Та кивнула... Карета тронулась с места, увозя юную невесту от постылого старика навсегда... А разъярённый жених в этот момент гневно выговаривал ее родителям, что такая невеста ему и вовсе не нужна, и что завтра вся сумма, пожертвованная будущим родственникам должна вернуться назад... Отец, потупив взор, твердил: «Как же, батюшка, вернём, вернём». Павел Петрович лишь злобно прошипел в ответ: «Уже поздно, я опозорен и не желаю больше ничего слышать ни о вас, ни о вашей Вере»...

Карета остановилась у большого, сверкающего белизной особняка.

– Ну, девица, приехали. Идём со мной, умоешь хотя бы лицо.

– Спасибо. Только я лучше домой.

– А примут ли?

– Не знаю.

Старушка тяжело вздохнула. С жалостью посмотрела на девочку.

– А живёшь ты где?

– На Яблоневого улице... Только я боюсь возвращаться, отца боюсь... Очень...

– Да... Она ненадолго замолчала, задумавшись о своём. Вспомнилось, как её, юную, вот так же, как теперь эту девочку отдали за старого князя, как она плакала и как было страшно ей тогда... Её старый муж не долго пожил с молодой прелестницей, и на семьдесят восьмом году отдал Богу душу, оставив юной супруге всё своё состояние. Второй её брак был по любви. Те чувства, которые испытывала эта маленькая невеста теперь, были ей знакомы не понаслышке...

– Ах, дитя, дитя...

– Петруша, едем. На Яблоневую улицу...

Когда Вера появилась у крыльца, отец выскочил навстречу.

– Убью гадину! Отца позорить удумала, – голос его сорвался на визг, – убью, не пожа...

Потом взгляд его упал на богато одетую спутницу Верочки. Он осёкся и замолчал.

– Тятенька...

– Уходи. Боле я тебе не отец. На содержание моё не рассчитывай. Убирайся.

Верочка зарыдала. Екатерина Васильевна укоризненно покачала головой и тихо проговорила: «Идём, Верочка»...

– А Вы кто, позвольте узнать, будете?

– Не Ваше это дело. Я забираю эту сироту... У неё ведь нет отца теперь, верно?

Она взяла плачущую девушку за руку и повела к карете...

С того дня Верочка стала жить у старой княгини. Она стала её верной компаньонкой и внучкой, которой у старушки никогда не было... Бог дал Екатерине Васильевне двоих сыновей, у тех тоже были сыновья... А она так хотела внучку. Да и жили её любимцы вдали от неё... А Верочка оказалась душевной, ласковой и доброй девочкой...

Так пролетели три года... И однажды, поутру, дворецкий Валерьян, зычным голосом объявил: «Барыня, радость-с то какая, Сергей Викторович-с, прибыли». Старушка радостно вос-

кликнула: «Ну наконец-то, Серёжа, внучек, дорогой!»... На шум вышла и Верочка. На какое-то мгновение васильковые глаза юной нимфы скрестились с серьёзными, ласковыми глазами молодого офицера...

Через полгода по всей округе только и было разговоров о состоявшемся бракосочетании молодого князя и компаньонки его бабушки... Но что им было до мнений света... Ведь когда есть любовь, разве это важно?...

Братушка

Вдоль узенькой сельской асфальтированной дороги, у нарядного домика, обитого по современной моде сайдингом, рядом с аккуратно постриженными кустами и ухоженными клумбами с яркими цветами, расположилась вереница машин. Немного поодаль стоит белый пазик – небольшой автобус – чтобы соседей уважить, да тех, кто без машины до кладбища довезти...

Собралась родня со всей области, и даже из других городов двоюродные братья с сестрами явились. У открытых ворот и калитки кучкуется народ...

– Эх... Где вы все раньше были...

– А чё тут?

– Дык хоронють...

– Каво жа? Никак Ньюра сподобилася?

– Не... Сосед ейнай. Федька...

– Ды ты чё! Госпади... Молодой жа ишшо... А чё случилось то?

– Повешалси...

– Господи, помилуй! И чё говорить? Чё жа ет он?

– А хто его знаить. Не оставил ничё. Не сказал никому... Эээхх..., – седовласый старик махнул рукой, – от жизни такой...

– Ды ты ж глянь... Хозяян то какой был... Усё у него до дела исделано, и домок, гляди – как пасхальная яичко, а вона, не жилося...

– Аааа, говорить выпимши был...

Старушка горестно покачала головой и пошла своей дорогой...

Тяжелый, мигом собравшийся где-то в глубине, рядом с сердцем комок боли быстро поднялся к горлу, потом выше и не удержавшись внутри, выплеснулся наружу солёными каплями слёз... Федя, Федя... Я вышла из машины. Давно я тут не была... Давно...

Вошла в ухоженный, с любовью обустроенный хозяином двор. Всё сделано на совесть, всё своими руками. Среди множества незнакомых лиц увидела свои, родненькие. Сердце вновь пронзила острая боль. Родная кровь есть родная кровь. Бросились навстречу друг другу, зарыдали в голос. Неподалёку, в окружении своих родственников стоит Федина жена. Плачет. Жаль её. Кто из нас без греха. Кто может сказать как оно было... Подошла. Обнялись. Плачем...

Сели в уютную беседку. Двоюродная сестра тяжело вздыхает.

– А ведь он мне звонил... Разговаривали... Будто прощался...

– Чего же он? Говорил что?

– Нет. Обещал приехать... Давно мы с ним не виделись... Всё дела, да работа...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.